

Декабристъ объ Украинѣ.

*В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность К. Θ. Рылѣва.
Кіевъ. 1912. Стр. V+371+141.*

Личность и литературная дѣятельность К. Θ. Рылѣва давно уже привлекали къ себѣ вниманіе ученыхъ и литературныхъ критиковъ. О немъ имѣется обширная литература, которою съ исчерпывающей, можно сказать, полнотой и воспользовался молодой кіевскій ученый В. И. Масловъ. Работа В. И. Маслова составила изъ награжденнаго золотой медалью конкурснаго сочиненія въ кіевскомъ университетѣ. В. И. Масловъ дополнилъ ее новыми разысканіями о Рылѣвѣ, преимущественно въ бібліотекахъ академіи наукъ и спб. университета.

Трудъ В. И. Маслова — кропотливое и добросовѣстное изслѣдованіе, притомъ написанное живымъ, яснымъ языкомъ, — качество, довольно рѣдко встрѣчающееся у современныхъ изслѣдователей. Специалисты, несомнѣнно, отмѣтятъ важность этого труда.

В. И. Масловъ не ставитъ себѣ цѣлью изученіе многосторонней личности и дѣятельности К. Θ. Рылѣва. Рылѣвъ игралъ, какъ извѣстно, видную роль среди декабристовъ и погибъ, въ числѣ пяти изъ нихъ, на эшафотѣ.

В. И. Масловъ „имѣлъ въ виду дать изслѣдованіе историко-литературнаго характера, и потому общественно-политическія отношенія Рылѣва затрагивались имъ лишь настолько, насколько они отражались въ его литературной дѣятельности“.

Такое суженіе темы удобно для изслѣдователя, облегчаетъ его работу. Но оно не могло не отразиться на самомъ характерѣ труда В. И. Маслова: онъ далъ намъ внѣшнюю сторону литературной дѣятельности Рылѣва. Съ особой любовью и вниманіемъ В. И. Масловъ слѣдитъ за различными вліяніями на Рылѣва и даже заимствованіями его. Въ этомъ отношеніи В. И. Масловъ не чуждъ увлеченій и натяжекъ, напр., въ сближеніи описанія казни въ

„Паризинѣ“ Байрона съ описаніемъ ея у Рылѣва и Пушкина (стр. 284). Внутренняя сторона произведеній Рылѣва, гораздо болѣе важная и интересная въ исторіи литературы, остается у В. И. Маслова мало освѣщенной. Не формой, не подражаніемъ же только двигалась литературная дѣятельность Рылѣва, а, несомнѣнно, главнымъ образомъ его внутренними переживаніями. Чтобы человѣкъ, написавшій „Сусанина“, могъ написать затѣмъ Войнаровскаго и симпатизировать Мазепѣ, для этого долженъ былъ произойти глубокой переворотъ въ душевномъ складѣ Рылѣва. Любопытно при этомъ отмѣтить, напр., у Рылѣва, при симпатіяхъ его къ Мазепѣ, высокое уваженіе къ личности Петра, нашедшее свое выраженіе въ ту же эпоху и въ сочиненіяхъ Пушкина и вообще характерное для того направленія, которое позже оформилось въ извѣстномъ западничествѣ.

Рылѣвъ заимствовалъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ сюжетовъ для своихъ литературныхъ произведеній изъ украинской исторіи. Въ этомъ отношеніи для насъ, украинцевъ, представляетъ поэтому особый интересъ пятая глава труда В. И. Маслова.

Откуда могъ получить Рылѣвъ интересъ къ украинскимъ темамъ?

На этотъ вопросъ В. И. Масловъ отвѣчаетъ, во-первыхъ, указаніемъ на то, что Рылѣвъ „въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ Малороссіи (1816—1820 г.), женился на дочери малороссійскаго помѣщика М. А. Тевяшева и, переселившись въ Петербургъ, не порывалъ своихъ связей съ Украиной“ (стр. 258). „Съ переѣздомъ въ Петербургъ связи Рылѣва съ украинскимъ обществомъ не прекратились: въ кругу близкихъ знакомыхъ поэта мы видимъ лицъ, живо интересовавшихся Малороссіей“ (стр. 258). „Оживленіе украинскаго общества и интересъ къ Малороссіи въ русской литературѣ создавали благопріятную почву для развитія украинскихъ симпатій Рылѣва“ (стр. 257—258).

Я хочу отмѣтить прежде всего ту путаницу, которая происходитъ у В. И. Маслова вслѣдствіе безразличнаго употребленія терминовъ Малороссія и Украина, украинскій и малороссійскій. На основаніи словъ В. И. Маслова кто догадается, что Рылѣвъ жилъ и женился не въ Черниговской и Полтавской губ., а въ Острогжскомъ уѣздѣ Воронеж-

ской губ. на острогожской помѣщицѣ? Острогожскій уѣздъ никогда Малороссіей не назывался, а входилъ въ составъ Слободской Ук ра и ны, а затѣмъ Слободско-Ук ра и н ской губерніи. Слѣдовательно, правильнѣе говорить, что Рылѣевъ жилъ на Украинѣ. Терминъ „Малороссія“ имѣеть вообще специальное значеніе. Имъ обозначалась и до сихъ поръ еще обозначается иногда территория бывшей Гетманщины, т.-е. приблизительно теперешнихъ Черниговской и Полтавской губ. Что же касается всей территоріи, на которой проходила историческая жизнь украинскаго народа, то она, конечно, должна называться Украиной. Для этого есть много историческихъ основаній. Иначе мы всегда будемъ путаться и не въ такихъ только мелочахъ, какъ у В. И. Маслова, а въ вопросахъ посерьезнѣе,—когда будемъ говорить, напр., о малороссійскихъ правахъ и привилегіяхъ, которыя служили основой для государственнаго строя Гетманщины XVII и XVIII вв.

Личныя отношенія Рылѣева съ украинцами, конечно, могли сыграть видную роль въ пробужденіи въ немъ интереса къ украинскимъ сюжетамъ. Но они, несомнѣнно, не имѣли бы того значенія, если бы стояли внѣ общаго интереса къ Украинѣ среди украинскаго и русскаго общества начала XIX в. Въ виду этого В. И. Масловъ собиралъ довольно значительныя указанія какъ на „оживленіе украинскаго общества, такъ и ростъ вниманія къ Украинѣ въ русской литературѣ“.

Вопросъ этотъ въ высшей степени интересный и обширный, и исчерпать его В. И. Масловъ, конечно, не могъ. Для этого нужна специальная работа, которая, понятно, не входила въ задачу В. И. Маслова. То, что онъ могъ при данныхъ условіяхъ знанія, онъ, повидимому, сдѣлалъ.

„Малороссія начала XIX ст.,—говоритъ онъ,—во многомъ сохраняла еще свой національный обликъ и полна была историческихъ воспоминаній“... „Историческія традиціи, жившія въ общей массѣ мѣстнаго населенія, еще въ большей степени привлекали вниманіе образованныхъ круговъ украинскаго общества. Въ средѣ его въ началѣ XIX ст. замѣчается усиленная и оживленная культурная дѣятельность, направленная къ подъему національнаго украинскаго самосознанія посредствомъ изученія роднаго языка, исторіи и народной традиціи. Национальное возрожденіе, начавшееся послѣ появленія „Енеиды“ Котляревскаго, по-

степенно захватывало все болѣе и болѣе широкіе слои украинской интеллигенціи“ (стр. 252). Харьковскій университетъ, основанный въ 1805 г., не игралъ, по мнѣнію г. Маслова, большой роли въ дѣлѣ украинскаго національнаго возрожденія и вліянія его было скорѣе въ этомъ дѣлѣ косвенное. „Разливая широкими волнами просвѣщеніе въ странѣ и повышая культурный уровень Украины, харьковскій университетъ оказывалъ этимъ поддержку пробудившимся національнымъ стремленіемъ“ (стр. 253). Мнѣніе это требуетъ, однако, своего обоснованія. Проф. Н. П. Дашкевичъ, трудъ котораго оказалъ вообще большое вліяніе на пятую главу работы В. И. Маслова, говоритъ совершенно другое. „Въ Харьковѣ,—читаемъ мы на стр. 244 „Отчета о 29 присужденіи Уваровскихъ премій“,—уже съ 1816 года приобрѣло силу мѣстное литературное движеніе, ставшее въ началѣ 40-хъ годовъ вполнѣ сознательнымъ. Кромѣ Квитки, видными представителями его были нѣкоторые изъ лицъ, получившихъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ и не порывавшихъ своихъ связей съ нимъ. Эти послѣдніе, въ особенности Срезневскій, Метлинскій и Костомаровъ, обращали усиленное вниманіе на славянское возрожденіе, занялись этнографическимъ изученіемъ украинской народности и, благодаря этому, постепенно пришли къ горячему убѣжденію въ полномъ правѣ на существованіе украинской литературы“. Самъ В. И. Масловъ указываетъ на рядъ статей по исторіи Украины, помѣщавшихся въ харьковскихъ изданіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ харьковскому университету (ср. С. Ф. Русова, „Харьковская журналистика въ началѣ XIX ст.“).

Интересъ къ изученію прошлаго Украины былъ вообще очень силенъ въ украинскомъ обществѣ. Начался онъ, несомнѣнно, еще въ серединѣ XVII ст., когда на Украинѣ стала порождаться новая, болѣе сознательная интеллигенція и серьезно былъ поставленъ вопросъ о содержаніи, а затѣмъ и о судьбѣ правъ и вольностей „малоросійскихъ“. Интересъ къ исторіи Украины XIX в. В. И. Масловъ отмѣчаетъ, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ. Ему удалось найти указаніе въ письмѣ А. Θ. фонъ-дербригена къ Рылѣеву на то, что кромѣ извѣстной „Исторіи Руссовъ“ существовала еще исторія, сочиненная Худорбой „очень вольно и противъ нашего правительства“ (стр. 264). Кстати, исправимъ здѣсь ошибку В. И. Маслова:

трудъ Шафонскаго былъ напечатанъ только въ 1851 году, а не въ концѣ XVIII в., какъ думаетъ, повидимому, В. И. Масловъ.

На мой взглядъ, В. И. Масловъ мало, къ сожалѣнію, удѣлилъ вниманія характеристикѣ того интереса, который проявляли русскіе къ Украинѣ. Онъ ограничивается только перечисленіемъ именъ и тѣхъ произведеній, въ которыхъ такъ или иначе говорится о Малороссіи или Украинѣ. На что же собственно, на какія стороны жизни Украины обращалось русскими вниманіе? Это мало занимаетъ В. И. Маслова. Любопытны въ этомъ отношеніи статьи Л. Д. Селицкаго („Кіевск. Ст.“, 1892 и 1893 гг.) о „Малороссіи по разсказамъ путешественниковъ“ и о „Путешествіи въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. И. М. Долгорукаго“. Онѣ остались, повидимому, неизвѣстными В. И. Маслову. Статьи эти, несомнѣнно, дали бы возможность замѣтить, что, за исключеніемъ, можетъ быть, иноземца Гильденштедта, интересъ, проявлявшійся у путешественниковъ, преимущественно русскихъ, къ Малороссіи и Украинѣ былъ слишкомъ поверхностный, неглубокій. Несмотря на то, что Малороссія „во многомъ сохранила еще свой національный обликъ и полна была историческихъ воспоминаній“, только, кажется, кн. И. М. Долгоруковъ въ 1817 г., „смотря и слушая“, замѣтилъ, что „Малороссія не гордится счастіемъ, не смотря на благодѣянія къ ней природы. Политическое солнце ея не столько согрѣваетъ, сколько свѣтило небесное. Она изнурена, терпитъ разныя тягости и чувствуетъ вполне потерю свободныхъ ея вѣковъ. Ропотъ глухой, но почти общій, и явственныя примѣты многихъ неустройствъ тѣмъ болѣе меня (кн. И. М. Долгорукова) удивили, что Малороссія имѣла всегда на первыхъ ступеняхъ престола чадъ, вскормленныхъ ею отъ самой юности“. Большинство путешественниковъ и лицъ, бывавшихъ въ Малороссіи, русскихъ, мало обращали вниманіе и на это недовольство и на національныя особенности Украины. Получивши воспитаніе на французскихъ космополитическихъ идеяхъ, они не могли понять и обратить вниманіе на самобытное, національное и ограничивались поверхностной, самой общей характеристикой украинцевъ и Украины.

Рылѣвъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія. Характерно письмо Пушкина къ Рылѣву по поводу

его „Думь“. „Всѣ онѣ (думы),—писалъ Пушкинъ,—на одинъ покрой. Составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста, дѣйствія, рѣчи героя и нравоученія. Національнаго, русскаго, нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ“ (стр. 170). То же самое нужно сказать, перефразируя слова Пушкина, и относительно произведеній Рылѣва, имѣющихъ сюжетами украинскія событія. „Національнаго, украинскаго, нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ“. Для Рылѣва важно было сказать въ своихъ произведеніяхъ о свободѣ, равенствѣ, борьбѣ за свободу, высокомъ званіи гражданина, погибшаго въ этой борьбѣ. Русская исторія не давала до сихъ поръ яркихъ примѣровъ свободы, гражданской борьбы и гибели въ этой борьбѣ. Рылѣвъ обратился къ украинскимъ сюжетамъ. Въ своихъ произведеніяхъ на эти темы онъ продолжалъ высказывать общія свободолюбивыя мысли, но украинскаго національнаго колорита, какъ замѣчаетъ это и В. И. Масловъ, произведенія его не носятъ (стр. 271). Хотя Рылѣвъ близко стоялъ къ нѣкоторымъ украинцамъ, А. Ф. фонъ-дерь-Бриггенъ посылалъ ему „Исторію Руссовъ“ и обѣщалъ прислать исторію Худорбы, а историкъ Н. А. Маркевичъ благодарилъ Рылѣва за поэму „Наливайко“ и писалъ: „Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіянъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась еще прежняя сила чувствъ и преданность отчизнѣ; вы найдете еще живымъ у насъ духъ Полуботка“; Рылѣвъ все-таки нигдѣ, а въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ въ особенности, не обнаружилъ болѣе глубокаго пониманія украинцевъ, у которыхъ исторія писалась „вольно и противъ правительства“. Это характерно не для одного только Рылѣва, а для декабристовъ вообще. Обвинять ихъ, конечно, за это нельзя: тогда національно-политическія стремленія и въ частности украинское только зародились; но фактъ остается фактомъ и его слѣдуетъ отмѣтить.

В. И. Масловъ очень внимательно остановился на вопросѣ, откуда у Рылѣва взялось симпатичное отношеніе къ Мазепѣ? Въ народной поэзіи и въ литературѣ отношеніе къ личности Мазепы въ общемъ неблагопріятно. Оттуда, значитъ, Рылѣвъ не могъ заимствовать своего къ нему отношенія. В. И. Масловъ, слѣдуя Н. П. Дашкевичу, высказываетъ мысль, что „реальная почва для возникновенія симпатичнаго отношенія къ Мазепѣ существовала;

ее поэтъ могъ найти въ средѣ польскаго общества и несомнѣнно нашелъ въ средѣ украинскаго“ (стр. 300). Относительно вліянія на Рылѣва польско-украинскаго поэта Падуры, говорившаго и писавшаго по-украински, нужно быть, на мой взглядъ, очень осторожнымъ, по однимъ уже хронологическимъ основаніямъ. В. И. Масловъ не сообщаетъ въ этомъ отношеніи ничего новаго, повторяя предположенія и соображенія Дашкевича, допустившаго возможность вліянія Падуры на Рылѣва. Что касается симпатичнаго отношенія къ Мазепѣ среди украинскаго общества, то В. И. Масловъ указываетъ на отзывъ Погодина, что „Малороссы... Мазепу любятъ“ (стр. 313), и затѣмъ на мягкій отзывъ о Мазепѣ „Исторіи Руссовъ“. Ссылка на Н. А. Маркевича намъ кажется неубѣдительною, и то обстоятельство, что, говоря о „дѣяніяхъ великихъ мужей малороссіянъ“, Маркевичъ несомнѣнно (?) къ этимъ „великимъ мужамъ“ относитъ и Мазепу, требуетъ еще доказательствъ своей несомнѣнности. Что въ Малороссіи въ нѣкоторыхъ кругахъ украинскаго общества могли любить Мазепу, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться; но матеріалъ, собранный В. И. Масловымъ, является все-таки слишкомъ недостаточнымъ для какихъ-нибудь заключеній и категорическихъ выводовъ.

„Сочувственное отношеніе къ Мазепѣ въ интеллигентныхъ кругахъ украинскаго общества,—говоритъ В. И. Масловъ,—имѣетъ свои основанія. Мазепа отстаивалъ интересы высшихъ классовъ; будучи воспитанъ въ польскихъ обычаяхъ и считая польское государственное устройство наилучшимъ, онъ стремился и на Украинѣ насаждать шляхетскіе порядки, отъ которыхъ выигрывала только казачья старшина, превратившаяся затѣмъ въ украинское дворянство. Не удивительно поэтому, что въ средѣ этого дворянства ко времени Рылѣва сохранилось симпатичное отношеніе къ Мазепѣ; съ нимъ ассоціировался образъ защитника казачьихъ правъ и вольностей отъ посягательствъ русскаго правительства,—тотъ образъ, который мы видимъ въ поэмѣ Рылѣва (стр. 304). Въ этихъ словахъ много неяснаго, неопредѣленнаго, туманнаго. За что же, собственно, „любили Мазепу на Украинѣ“,—за его двучлиныя стремленія, связанныя, конечно, съ закрѣпощеніемъ крестьянъ, или же за стремленіе отстоять неприкосновенность и цѣлость „казачьихъ“ правъ и вольностей? От-

ношеніе Рылѣва къ личности Мазепы было бы, думается мнѣ, понятнѣе, если бы оно было поставлено въ связь съ общественными и политическими воззрѣніями Рылѣва. Во всякомъ случаѣ симпатіи къ Мазепѣ у Рылѣва и у украинцевъ врядъ ли имѣли одинаковое основаніе и характеръ. Говорю это, конечно, въ видѣ предположенія, скорѣе даже вопроса.

Мои замѣчанія не имѣютъ въ виду умалить интересъ и важность изслѣдованія В. И. Маслова. Мнѣ хотѣлось только отмѣтить въ его работѣ нѣкоторыя стороны, которыя, какъ мнѣ кажется, требуютъ разъясненія или болѣе детальнаго освѣщенія.

Ник. Василенко.
